

**ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА И ПРОБЛЕМА
МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАМБОВСКОГО
ДУХОВЕНСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

(по материалам Государственного архива
Тамбовской области)

Н.Б. Рубан

*ФГОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный
университет», г. Мичуринск*

Рецензент А.А. Слезин

Ключевые слова и фразы: духовенство; материальное обеспечение; семинария; сословие; церковь.

Аннотация: Рассматриваются права и привилегии представителей духовного сословия. Приходское духовенство играло большую роль в жизни русского народа, выполняя не только религиозные, но и государственные функции. По своему социально-правовому положению духовенство приближалось к дворянскому сословию, а по образу жизни – к крестьянству.

В связи с возвращением духовных традиций нашего общества, на повестку дня вновь встает вопрос о роли церкви и духовенства в культурной жизни страны. Эта проблема рассматривается, прежде всего, на региональном уровне, к тому же, имеет богатый краеведческий материал. Положение представителей духовного сословия зависело от конкретных исторических условий, в которых оно проживало.

При царе Федоре Алексеевиче была открыта Тамбовская епархия, учреждение которой рассматривалось на Московском соборе 1654 года. Она просуществовала 17 лет и была закрыта. В 1758 году по именному указу Елизаветы Петровны Тамбовская епархия была восстановлена [1, с. 2–8].

Духовенство в России являлось особой категорией населения. Традиционно оно делилось на белое и черное. Наиболее важную роль в жизни народа играло белое, приходское духовенство, которое составляло 90 % от всего числа духовенства. Черное и белое духовенство с его семьями составляли духовное сословие [2, с. 98].

В XVI–XVII веках приход сам выбирал себе клир, с XVIII века это стало обязанностью епископа [2, с. 99]. В условиях того времени приход-

Рубан Н.Б. – старший преподаватель кафедры истории, государственного управления и права МичГАУ, г. Мичуринск.

ское духовенство выполняло, помимо собственных религиозных, еще и важные государственные функции. В соответствии с законом приходские священники вели метрические книги, записи брачных обысков, регистрировали смерть, выдавали метрические свидетельства [3]. Через приходское духовенство верховная власть общалась с подданными. Многолетняя практика подтверждала удобство оглашения официальных документов, например, царских указов, через церковь.

Еще с петровских времен, как известно, закон требовал от духовника нарушать тайну исповеди и открывать властям, кто замышляет преступные действия, направленные против государства и в особенности против монарха [4]. Именно роль приходского духовника определила к нему отношение законодателя. Правовые нормы Российской империи, связанные с его деятельностью, были весьма многочисленные и подробные. В них детально оговаривалось положение не только собственно причтов, но также и членов их семей, источники пополнения сословия, порядок выхода из него и последствия столь важного шага, источники доходов, привилегии и т.д. Фактически закон декларировал возможность поступления в белое духовенство лиц любого сословия, на практике же переход в белое духовенство был крайне затруднителен. Духовенство являлось замкнутым сословием [5, с. 504].

Происходившие из податных сословий должны были получить письменное разрешение от своего общества. Поскольку в России действовал принцип круговой поруки, общество брало на себя обязанность уплачивать все подати за увольняемого до ближайшей ревизии, то есть переписи населения, с новой раскладкой налогов [6]. Далее дело рассматривалось Казенной палатой или Палатой государственных имуществ. Но все это происходило только в случае, если епархия испытывала недостаток в духовенстве, а претендент имел соответствующее образование. Уже в начале XIX века для занятия должности в приходе требовалось иметь духовное образование, то есть окончить хотя бы какую-нибудь ступень духовного училища или семинарии. Последнее сводило практически на нет возможность появления претендентов на места из других сословий, потому что формально духовно-учебные заведения считались ведомственными и были закрыты для представителей светских сословий [7, с. 100].

В фонде Тамбовской Духовной семинарии сохранились прошения представителей светских сословий о зачислении детей в духовные учебные заведения. Можно ли считать обучение в семинарии уже переходом в духовное сословие? К тому же, трудно проследить их дальнейшую судьбу, неизвестно, служили ли они в церкви, получив соответствующее образование. Тамбовская Духовная консистория предписывала «принимать в духовные училища детей светских званий, в качестве приватно обучающихся» [8]. Согласно правилам приема, дети светского звания могли поступать в духовное учебное заведение только на собственном содержании.

Кроме того, численность самих духовных лиц превосходила общественную в них потребность, так как в среде духовенства существовал предельно высокий общественный прирост.

По данным фонда Тамбовской Казенной палаты в первой половине XIX века 12 % семей священнослужителей в возрасте до 35 лет имели одного ребенка; 25 % – двоих детей; 32 % – троих детей; 20 % – четверых детей; 7 % – пятерых детей; 4 % – шестерых-семерых детей. В возрасте до 40 лет 8 % семей имели одного ребенка; 15 % семей – двоих детей; 30 % – троих детей; 18 % – четверых детей; 12 % – пятерых детей; 9 % – шестерых детей; 8 % – семерых детей. При этом необходимо учитывать, что определенное количество детей, получив соответствующее образование, выбывало в другие населенные пункты, поэтому в ревизских сказках при отце они не записывались.

«Поповичи» вступали в духовный чин как бы «по праву рождения». Священникам предписывалось обязательно учить грамоте своих сыновей с детства, многие родители всячески укрывали от школы и грамотности своих детей. Действуя на основании синодских указов, епископ Феофил (1788–1811) распорядился так: «Тех духовных детей исключить из духовного ведомства, которые до шестнадцатилетнего возраста остаются безграмотными, и отослать в гражданские правительства для обращения в военную службу» [9, с. 414]. Обучение детей духовенства начиналось дома, а продолжалось уже в духовном училище или духовной семинарии.

Только в 1850 году с духовенства была снята обязанность учить своих детей в духовных учебных заведениях, и предоставлено право учить их и воспитывать по их способностям и дарованиям [10, с. 134].

Специальное духовное образование было одним из важнейших факторов при занятии церковной должности. При этом члены причта значительно отличались уровнем образования. По исследованиям фонда Тамбовской духовной семинарии и фонда Тамбовской духовной консистории в первой половине XIX века практически 80 % священников окончили семинарию, 20 % – имели неполное семинарское образование (при этом священники, как правило, оканчивали курс богословия семинарии), 50 % дьяконов окончили философский курс и 40 % – духовное училище. Уровень образования церковнослужителей был гораздо ниже [11, с. 91].

До начала XVIII века клир церкви, состоящий из священнослужителей (священника и дьякона) и церковнослужителей (дьячка и пономаря), избирался прихожанами. В конце XVIII столетия это окончательно вышло из практики, что было законодательно закреплено в 1797 году Синодом. После смерти священников на церковные кафедры стали назначаться епископом наследники из числа его детей [2, с. 98]. В основном место переходило к старшему сыну, которого отец заблаговременно готовил в свои приемники, и который стоял при нем в качестве викария, дьякона или причетника [7, с. 99].

Если не было сыновей, то место переходило в наследство по женской линии и доставалось мужьям дочерей [7, с. 99].

Послушник Шацкой Вышинской пустыни Иван Васильев уступил свое дьячковское место церковнику Григорьеву с условием, что он женится на его дочери Агриппине [12].

Если дочери и сыновья были малолетними, то по выбору семейства наследников назначался викарий, который должен был исправлять должность до замужества дочери или подрастания наследника, и обязан был половину дохода отдавать в семью умершего священника [7, с. 100]. Профессиональный интерес семей духовенства создавал стремление не уступать никаким посторонним элементам своих мест, как мест родовых, подобно другим сословиям.

В течение XVIII века духовенство приобрело особые права, которые были закреплены в законодательстве. В 1719 году оно было освобождено от прямого налога, в 1724–1725 годах – от рекрутской повинности, и было освобождено от постоя. В 1801 году священники и дьяконы, а в 1808 году и их семьи, окончательно освободились от телесных наказаний [13].

В конце XVIII века верховная власть стала отмечать духовенство особыми наградами и отличиями (крест на цепи для ношения на шее, особый головной убор и т.д.), что, учитывая облачение духовенства, сообщало ему специфические внешние признаки.

Таким образом, к концу XVIII века белое духовенство избавилось от всех признаков «подлого» состояния, кроме телесного наказания для церковнослужителей (освобождены по духовному и светскому суду лишь в 1862 году), и освободилось от государственного и корпоративного крепостничества. По своим правам в начале XIX века священников и дьяконов можно сравнить с личными дворянами, свидетельством чего может служить тот факт, что их вдовы пользовались правами личного дворянства [2, с. 101, 382]. Но среда сельского духовенства очень близко стояла к крестьянству по происхождению, условиям быта, уровню жизни [10, с. 134]. Представители духовного сословия тесно взаимодействовали с крестьянами.

В фонде Тамбовской Духовной консистории отложился большой пласт документов о поведении духовенства. Около 15 % из них – дела о кражах, 19 % – жалобы, 27 % – сообщения о проступках, 39 % – о драках, оскорблениях и пьянстве. Подавляющее большинство дел касается приходского духовенства. Сведения из монастырей составляют 5 %; 70 % нарушений совершалось сельским духовенством, 21 % – городским и 9 % – черным. Около 63 % жалоб писались представителями духовного сословия. Наказание было достаточно легким. Чаще всего отправляли в монастырь на срок от нескольких месяцев до года, на исправительные работы в дом к благочинному, штрафовали в пользу вдов и сирот на 3–5 рублей, налагали сотню земных поклонов, объявляли выговор в присутствии братии. В редких случаях отдавали на военную службу. Самым распространенным проступком было пьянство. Оно сопровождалось драками как с представителями духовного сословия, так и других, сквернословием [14].

Достаточно часто духовенство приходило на службу в нетрезвом состоянии. Священник города Темников Троицкой церкви совершал обряд венчания в пьяном виде [15].

Особенно тягостно ощущалась двусмысленность положения духовенства, которое с одной стороны, уже не путем избрания, а по бюрократиче-

скому назначению поступало на приходскую службу, а с другой – его благосостояние зависело от прихожан. Для улучшения материального положения приходского духовенства при Екатерине II было указано предоставлять священникам на содержание по 33 десятины земли. Это ставило приходское духовенство в зависимость от учреждений, распоряжавшихся землей [10].

Из-за земли возникали постоянные споры духовенства с местными жителями. Об этом свидетельствуют документы, сохранившиеся в фонде Тамбовской Духовной консистории. В 1802 году в городе Елатье Шацкой округи дьякон Г. Алексеев получил землю под строительство дома, занимаемую купцом И. Андреевым [16].

В отношении дохода от службы духовенство сильно различалось с личным дворянством. На гражданской службе чиновники, имевшие чины IX – XIV классов, которые давали личное дворянство, в последней трети XVIII века получали ежегодное жалованье от 100 до 400 рублей; военнослужащий, имевший первый офицерский чин – 200 рублей, а средний годовой доход священников в городе составлял от 30 до 80 рублей, в деревне от 25 до 40 рублей. Годовой доход низшей страты духовенства – церковнослужителей – составлял всего 10–20 рублей. Офицеры и чиновники получали жалованье от государства, а большая часть духовенства получала основной доход непосредственно от паствы за исполнение обрядов – венчания, отпевания и т. п. [2, с. 104]. Доход распределялся следующим образом: из 60 рублей – троим священникам по 10 рублей, дьякону – 6 рублей, двоим дьячкам и двоим пономарям – по 3 рубля. Если в церкви не было дьякона, то доход распределялся в пользу священника [17].

Этих средств явно не хватало на обеспечение насущных нужд духовенства в конце XVII – начале XIX веков. Приходилось искать «дополнительные» средства к своему пропитанию. Достаточно часто духовенство присваивало церковный доход, увеличивало взимание денег за требы. В 1803 году прихожане написали жалобу на священника села Мотызлей Темниковского уезда М. Федорова: «Увеличивает взимание денег за требы, исполняемые им по христианскому долгу. Взимает 20 копеек за крещение, 20 копеек за прославление Рождества Христова, за погребение умершего – 2 рубля. Кроме того, 20 копеек за исповедание и причащение святых таин» [18].

Распространена была практика одалживания средств духовенством у богатых и зажиточных прихожан прихода. Но с отдачей долга духовенство не торопилось. В 1801 году в городе Борисоглебске диаконы приходской Никольской церкви Савины взяли в долг у солдатской жены Анны 61 рубль и не отдали [19].

Такие поступки духовенства, бесспорно, заслуживают осуждения. Но финансовая ситуация была безвыходной. Проблема стала усугубляться в начале XIX века. Меняющиеся условия жизни требовали все больше и больше денег, которые шли на обязательное образование детей, питание, на покупку общественному статусу предметов обихода и одежды. Духов-

ным сословием овладевает «болезнь приличия». Ее суть сводилась к подражанию барской жизни: стремление правильно говорить, носить модную одежду, пить чай, шампанское. Боязнь унизиться до сходства с простонародьем выражалась в изживании бытовых привычек простого люда, вплоть до того, что молодежь духовного сословия стала считать зазорным, развлекаться народными песнями и играми. Даже домашний труд делился на «благородный», безразличный и «низкий»: в семьях священников стремились завести кухарок [20, с. 37].

Ограничение доступа в сословие и привилегии сформировали особый сословный менталитет духовенства. Возвышаясь над громадной массой подданных по уровню образования и правам, оно тянулось к «образованному обществу» – дворянству, государственным служащим, подражая их быту. Но часто, не признаваемое на равных, еще больше замыкалось в своем мирке, ревниво охраняя собственные интересы [7, с. 104].

Образование, получаемое в семинариях, находилось в разладе как с понятиями образованных людей, так и с понятиями простого народа. Социальный статус, субкультура и экономическое положение духовенства также были оригинальными: не благородное, но и не подлое, не европейски ориентированное, но и не замкнутое на допетровские идеалы, не богатое, но и не бедное [2, с. 105].

Поставив духовенство почти вровень с дворянством, государство стремилось в XIX веке к тому, чтобы подкрепить важное общественное значение приходских клириков соответствующим материальным обеспечением. Основными средствами обеспечения духовенства в этот период являлись доходы от прихожан и земли, которые не давали достаточного содержания представителям духовного сословия.

Реформы 1860-х годов повлияли на духовенство. В 1869 году дети всех священноцерковнослужителей отчислялись от принадлежности к духовному званию, им предоставлялся свободный выбор профессии и право поступления на государственную службу.

Список литературы

1. Хитров, Г.В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Г.В. Хитров. – Тамбов, 1861. – 342 с.
2. Миронов, Б.Н. Социальная история России : в 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – Т.1. – 550 с.
3. Тамбовское областное государственное учреждение. Государственный архив Тамбовской области (ТОГУ ГАТО). Свод законов Российской империи 1857 г. – Т. IX. – Ст. 1560, 1579, 1581.
4. ТОГУ ГАТО. Свод законов Российской империи 1857 г. – Т. XV. – Ст. 245, 598, 599.
5. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви : в 2 т. / А.В. Карташов. – М. : Терра, 1997. – Т. 2. – 576 с.
6. ТОГУ ГАТО. Свод законов Российской империи 1857 г. – Т. IX. – Ст. 269, 270.

7. Римский, С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов) / С.В. Римский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. – 567 с. (Материалы по истории Церкви; Кн. 26).
8. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 24. – Л.1.
9. Дубасов, И.И. Очерки из истории Тамбовского края / И.И. Дубасов. – Тамбов : Изд-во ТГПИ, 1993. – 446 с.
10. Бердинских, В.А. Приходское духовенство в России и развитие краеведения в XIX веке / В.А. Бердинских // Вопр. истории. – 1998. – № 10. – С. 134–138.
11. Рубан, Н.Б. Проблема образованности приходского духовенства Тамбовской епархии в XIX веке / Н.Б. Рубан // Макарьевские чтения. Материалы четвертой междунар. конф. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 91.
12. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 625. – Л. 12.
13. ТОГУ ГАТО. Свод законов Российской империи 1857 г. – Т. IX. – Ст. 281, 283.
14. Рубан, Н.Б. Отражение в источниках проступков тамбовского духовенства в первой половине XIX века / Н.Б. Рубан // Державинские чтения. Институт права. Институт истории и политологии. Институт социологии и культурологи: Материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Фев. 2005 г. // Отв. ред. В.И. Пучнин, В.В. Канищев, И.В. Налетова. – Тамбов, 2005. – С. 66.
15. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 419. – Л. 131.
16. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 361. – Л. 29.
17. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 682. – Л. 15.
18. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 757. – Л. 1.
19. ТОГУ ГАТО. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 321. – Л. 1.
20. Римский, С.В. Церковная реформа Александра II / С.В. Римский // Вопр. истории. – 1996. – № 4. – С. 32–48.

Property Rights and Problem of Material Support of Russian Priesthood in the First Half of the 19th Century

Ruban N.B.

Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk

Key words and phrases: church; priesthood; the clergy; seminary; financial security.

Abstract: The paper deals with the problem of rights and privileges of the priesthood representatives. Secular clergy played a great role in the life of Russian people, as it carried out both religious and state functions. By its social legal status the priesthood can be comparable to the nobility, by its way of life – to peasantry.

© Н.Б. Рубан, 2008